

ИЛЬЯ ФОМУШКИН

ВОЛЯ К СМЕРТИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф76

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Фомушкин, И.

Ф76 Воля к смерти. — М.: Тотенбург, 2026. — 158 с.

На страницах нового сборника стихотворений «Воля к смерти» мы отправимся в поэтическое путешествие по граням пессимизма, эсхатологии, экогенеза, архитектуры и культуры Японии. Открывает работу предисловие от писателя и переводчика Владислава Педдера, который известен по работам: «Опыт трагического» и «Процессуальный пессимизм: о природе вселенского страдания».

Над миром нависли дегуманизм, черные лучи распада Вселенной и ужас бытия. Что больше поражает наше воображение: темные мысли демиурга Эмиля Чёрана, замысел ужаса Томаса Лиготти или проповеди последнего мессии Петера Цапффе? Здесь зародились божественное безумие Фридриха Гёльдерлина, антинатализм Дэвида Бенатара и антигуманистические памфлеты Луи Фердинанда Селина. Это край бытия Вселенной и космической пустоты, в которых образовалась архитектоника великих городов. Это мир великого Ничто и великого Никто. Это последнее цветение японских слив под градом Поэзии и Мифа. Это Воля к Смерти, что погружает нас в мир по ту сторону света, где главенствует тьма, ужас и экзистенциальное одиночество.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Илья Фомушкин
© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ВЛАДИСЛАВА ПЕДДЕРА	7
ГЛАВА 1. «УЖАС БЫТИЯ»	11
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 1	11
БОЖЕСТВЕННОЕ БЕЗУМИЕ	13
ВСЕЛЕННАЯ УМРЕТ.....	14
ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА	16
УЖАС РОЖДЕНИЯ.....	17
РАСПАД.....	19
КОСМИЧЕСКИЙ СТРАХ	20
ВОЛЯ К СМЕРТИ	21
МОНСЕГЮР	22
ЧЕРНОЕ ОКО ВОДЫ.....	23
АНГЕДОНИЯ.....	26
ТЕМНЫЙ ГНОЗИС	28
МЕРТВЫЙ ТЕКСТ	31
СМЕРТЬ-ЗИМА	32
ГЛАВА 2. «ТВЕРДЫНИ»	33
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 2	33
БАРОНУ УНГЕРНУ	35
РЫЦАРЬ ДУХА.....	36
МОЛНИЯ.....	38
СОЛНЦЕ И СТАЛЬ.....	40
РЫБАК.....	42
ЯЗЫКИ СМЕРТИ	44
ВОССТАНИЕ ПРОТИВ МИРА	46
ДЕМИУРГ	48
ПРЕВРАЩЕНИЕ	49
К СЕЛИНУ! К СЕЛИНУ!	50
ПРОФЕССОР	52

ГЛАВА 3. «ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА»	54
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 3	54
СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГРИБЫ.....	56
СМЕРТЬ И СВОБОДА	57
СУГРОБЫ-ВЕЛИКАНЫ.....	58
ПАЛЛИАТИВНЫЙ РАЙ	60
КАДАВР	62
КАДАВР 2	65
СМЕРТЬ НА ФЬОРДЕ	67
МЕРТВЫЙ ФИЛОСОФ.....	71
В ГРОБЫ.....	72
КОСТИ.....	74
ГЛАВА 4. «МОЯ ЯПОНИЯ»	76
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 4.....	76
ЗАМОК БЕЛОЙ ЦАПЛИ	78
RENAI (恋愛)	80
КЭГОН.....	82
МОНО-НО АВАРЭ.....	83
ФУДЗИ-САН.....	84
МОЯ ЯПОНИЯ	85
ГЛАВА 5. «ЭКОГЕНЕЗ».....	87
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 5.....	87
МАРДАЛСФОССЕН	89
ЛЕСНЫЕ ТЮРЬМЫ.....	91
МАЗУТ.....	92
ХАСИМА.....	94
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ.....	95
ВЛАДИМИРСКИЕ ЛЕСА.....	96
ПОТОК.....	98
КРАСНЫЕ РЕКИ	100
ПУТЕШЕСТВИЕ СРЕДИ ПТИЦ	102

ГЛАВА 6. «ГОРОДА»	103
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 6	103
БЕРГЕН.....	105
РИМ. ВЕЧНЫЙ ГОРОД.....	106
БУДВА И КОТОР	108
ДАВОС	110
БЛЕД.....	111
КИОТО	113
БРЮГГЕ	114
ФЛОРЕНЦИЯ	115
ГЛАВА 7. «МЕРТВАЯ ПОЭЗИЯ»	116
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 7	116
ГРУППА УР	117
ЧАС	118
НА БУМАГУ.....	119
НА МОГИЛЕ ЭЛДЖЕРНОНА.....	120
МЕЧТА	121
ОСТРОВ КАНТА.....	123
ГОЛЕМ	124
ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР.....	125
ГЛАВА 8. «МИФОПОЭЗИС»	128
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 8	128
НАГЛЬФАР.....	129
МИФ О СНЕЖНОЙ БУРЕ.....	130
БАЙАМЕ И ПЕРВАЯ СМЕРТЬ	132
МАСКИ БОГОВ.....	133
ФАКЕЛ ВЕРЫ.....	135
ГОСПОДАРИ И ЦИКЛОПЫ	136
СНЕЖНЫЙ БАРС	138

ГЛАВА 9. «О КИНО И БОЛИ»	139
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 9.....	139
КОЛОКОЛЬНЯ	141
AMOUR.....	143
СТАЛКЕР	145
АНТИХРИСТ	147
ГЛАВА 10. «ВРЕМЕНА ГОДА»	149
АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 10.....	149
ВЕГЕТАЦИЯ ПЕССИМИЗМА.....	150
РОЖДЕНИЕ ГРОЗ	151
ОСЕННИЙ ТРИПТИХ	153
ЙОЛЬСКИЕ ТЕНИ	155

ПРЕДИСЛОВИЕ ВЛАДИСЛАВА ПЕДДЕРА

Философский пессимизм переживает в последние годы нечто редкое — возвращение к себе как к серьезной позиции. Пессимизм снова получил право звучать всерьез. Есть надежда, что это не росток, который способно растоптать любое улучшение геополитической обстановки, и что пессимизм уже пустил мицелий под самим основанием оптимизма, — там, куда не добирается ни прогресс, ни одна из надежд, которыми цивилизация привыкла заглушать то, что предпочитает не слышать. Долгое время пессимизм воспринимался как настроение — как продукт личного несчастья, усталости, меланхолии. Отчасти в этом повинны сами пессимисты. Часть из них писала в борьбе с собственной депрессией, другие — в угоду читателю, уставшему от жизни и ищущему созвучие своей тоске. Чоран (Чёран) — блестящий пример этой ловушки: его афористический стиль сделал пессимизм эстетическим удовольствием, почти декоративным, пригодным для цитирования, но не для серьезного философского усилия. Это дорого обошлось пессимизму как философии, от ударов которого она не оправилась до сих пор. Сегодня речь идет об ином — о пессимизме как онтологической данности, о том, каков мир в своей структуре, безотносительно к субъективным состояниям отдельного человека.

Разница здесь принципиальная и крайне важная. Обычная негативная рефлексия человеческого рода говорит об ощущениях. Пессимизм как онтология говорит о строении вещей. Эдуард фон Гартман рассмотрел в основании мира слепое Бессознательное, чья деятельность производит страдание с неистовой неизбежностью. Майнлендер пошел своим путем и рассмотрел в структуре самой материи движение к смерти как к искуплению, поскольку само бытие есть распад изначального единства. Цапффе посмотрел в глубь человеческого и увидел в сознании эволюционный сбой, обрекший человека на трагедию. Общее в них — взгляд, обращенный к структуре, к тому, что предшествует любому переживанию и остается после него.

Илья Фомушкин работает в этом пространстве. Отдать ему должное — значит отнести к его замыслу всерьез, без снисходительного разделения поэзии и мысли. В «Воле к смерти» лирика берется за то, от чего нигилистическая философия последних десятилетий нередко уклоняется — за прямое переживание страдания. Мир вовсе не беспристрастен, в нем все живое рождается, чтобы пострадать в угоду Вселенной. Если это радость, то радость от отсутствия страдания; если это рождение, то лишь для того, чтобы однажды умереть. Так, деревья у Фомушкина «страдают, проснувшись», водопад Мардалсфоссен покоряется гидростанцией, остров Хасима брошен после того, как уголь выработан — все это образы одного движения: бытие в своей сути движется к распаду, жизнь лишь встроена в этот процесс. Фомушкин не обвиняет природу и не низводит

ее до механизма страдания. В его лирике природа представлена такой же жертвой онтологической данности, что и человек, и скорбь о ней подлинная. Это делает его позицию мягче радикального пессимизма, но от этого она не становится хуже. Именно здесь возникает возможное расхождение наших взглядов. Я вижу природу и жизнь иначе. Последовательный пессимизм, доведенный до онтологических выводов, должен задаться неудобным вопросом: а был ли этот дом когда-либо безопасен и был ли сам дом? В «Критике экологического императива» я уже обозначал эту проблему. Природа воспроизводит страдание с той же механической неизбежностью, что и человеческая цивилизация — через хищничество, голод, болезни, внутривидовую конкуренцию. Ее «священность» может оказаться человеческой проекцией на мир, глубоко безразличный к боли.

Я благодарен Фомушкину за его вклад в эту неблагоприятную работу. Благодаря тем немногим поэтам, подобным Илье Фомушкину, и исполнителям, подобным Сергею Крупнову (ATL), небольшими шагами возвращается интерес к пессимизму — к той данности, что все живое направляет бытие к смерти. Проснувшись однажды, Земля не обнаружит человечество, да и саму жизнь. И действительно, все как в строках «извечные вопросы о смысле брэнной жизни отпадут, предназначение: быть удобрением». Подобное движение — совсем не воля с антропологической ноткой целесообразности. Воля подразумевает цель, реальность же оказывается трагичнее, ведь смерть — единственное направление Вселенной, где

жизнь лишь ее сподвижник, оказывающий Космосу огромную услугу на пути к вселенскому распаду. Ульрих Хорстманн в «Монстре» («Das Untier») размышлял о самоистреблении человека как о чем-то неминуемом; Майнлендер — как о самоискуплении. Все перечисленное остается слишком человеческим, лишая возможности увидеть во Вселенной большой театр пыток, в котором само бытие страдает от собственного существования.

Нам требуется уйти от нигилистических воззрений и обнаружить в мире чистый космический пессимизм. Человек в нем — форма, в которой органическое существование довело до планетарного масштаба то, что всегда было свойством материи в энтропийном процессе. Хищник, получивший инструменты, несообразные своей природе. Вселенная при этом движется в одном направлении, и только.

Фомушкин завершает сборник словами о цикличности жизни — о том, что каждый новый виток природы означает новый виток страданий, что в «темных объятиях Ничто» жизнь встретит «великого Никто» и растворится в глубине небытия. Чтобы стать тем, кого никогда не было. Это и есть то направление, которое Вселенная задала задолго до появления жизни и которое не нуждается в свидетелях. Это не зависит от наших желаний, это неотвратимый процесс, длящийся уже более 13 миллиардов лет, — то, что и принято называть волей к смерти, но уже не человечества, а самого мира.

ГЛАВА 1

«УЖАС БЫТИЯ»

АВТОРСКИЙ ПОДСТРОЧНИК 1

На страницах данного поэтического сборника оживают древние реликты и ужасы. Ужас бытия, зарождение жизни и вселенское безумие.

Мысли пессимистов наполняют объемом рифмы и слоги, структуры и строфы. Пессимизм, что открывает для нас Петер Вессель Цапффе, черные дневники Эмиля Чёрана, «Заговор против рода человеческого» Томаса Лиготти раскрываются как черный цветок *Поэзии*. Он наполнен горизонтом событий черных дыр, вселенским горем и ужасами, что открыли нам возможность существовать и иметь сознание.

За гранью тьмы и безумия, мы находим дар поэтической философии. Философский молот Фридриха Ницше, что остался рядом с могилой в городе Веймар, смертельный пистолет стихосложения Генриха фон Клейста и божественная поэзия Фридриха Гёльдерлина, открывают вопрос о человеческом безумии. Это божественный дар или проклятье? Это путь в никуда или героизм, который дает возможность на существование? Достаточная ли цена принести себя в жертву, чтобы другие могли обрести смысл жизни? Эти и другие вопросы мы пронесли

сквозь стихотворения, которые существуют несмотря на *Заговор и Ужас* современного мира.

Древние Боги Говарда Филипса Лавкрафта, эзотерика Густава Майринка и экзистенциализм Франца Кафки, наполняют стихотворения этой главы смыслами и вопросами о человеческом существовании, бытии и одиночестве. Темная сторона существования на вершинах Поэзии и философии. Альтернативная реальность для души человека и его внутренних переживаний. И внутри этой дилеммы рождается Воля к смерти. Это термин, который будет присутствовать и скреплять практически каждый поэтический замысел. Заголовок созвучен с названиями работ Фридриха Ницше «Воля к власти» и Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление», но имеет иной философский угол зрения. Он рождался, развивался и умирал на строках этого поэтического путешествия.

Сквозь долины человеческого существования, сквозь вершины черных гор к нам является *Ужас* и *Воля к смерти*, чтобы заставить струиться наши мысли фундаментальными вопросами Бытия.

БОЖЕСТВЕННОЕ БЕЗУМИЕ

(Ф. ГЁЛЬДЕРЛИН, Г. КЛЕЙСТ, Ф. НИЦШЕ)

Природы Божьей люд-опустошитель,
И дел пустых всегда невпроворот.
Как говорил один безумец и мыслитель,
Что немец — это грек наоборот.

Безумен тот, кто смерть не отрицает,
Кто зло увидит там, где всем добро.
Усы мечтателя свои он протирает,
И вот бессмертие, всецело ты мое!

Безумен свет в ночи вдоль той дороги,
Где мысли прокляты, как земли и моря.
В тюрьме сидят оставленные боги,
Себя для всех к небытию приговоря.

Безумен тот, кто к Богу был приближен,
Смотрел течение из Башни на Неккар.
Непонят был безумец и унижен,
Безумие для человека — Божий дар.

ВСЕЛЕННАЯ УМРЕТ

Я надеюсь, когда-то
Весь космос умрет.
Заглохнут во тьме луноходы.
В обратную сторону
Жизнь потечет.
Обрушатся все небосводы.

От спутников серых
Останется пыль
Межзвездных парабол и ветра.
Там звезды погаснут,
Рассеется гниль.
Плоды не дарует Деметра.

Титаны планеты
В куски разорвут,
Вернувшись в момент первоцвета.
И странники в космосе
Дальнем умрут,
Оставшись опять без ответа.

И время обратно
Опять потечет,
Низвергнув громады до точки.
И тьму вместе с светом
С собой заберет,
Пептидов разрушив цепочки.

Не будет во мраке
Аминокислот.
Не будет во льдах водорода.
Не будет космических
Райских красот.
Во тьме вся увянет природа.

Вот сжалась Вселенная
Просто в Ничто,
Как в миг тот, однажды родившись.
И смотрит блаженно
Великий Никто,
В великую тьму претворившись.

ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА

Однажды был взрыв,
Наступила зима.
Уснули великие боги.
Тьмы веки раскрыв,
Зародилась звезда,
Создав для людей некрологи.

За светом ложился
Космический яд.
Нам лучше уже не рождаться.
На небе во тьме
Убивающий взгляд
Внушил нам во мраке остаться.

Вселенная спит,
Во чреве дрожит
И крутит небесные ясли.
Нас буря звездь
Всех во тьме растворит.
Огнем! Пока все не погасли.

Сквозь ужас и холод
Полярного льда
Летит к человеку комета.
Раздавит, как молот,
Сиянием мгла,
Придя по ту сторону света.

УЖАС РОЖДЕНИЯ

(Т. ЛИГОТТИ, П.В. ЦАПФФЕ, Д. БЕНАТАР)

Если ты не существуешь,
Бог, возможно, еще жив.
Космос наш не нарисуешь,
Жизни в смерть не превратив.

Если Бог, когда-то грустный,
В одиночестве ушел.
Во Вселенную искусно
Распадался. Космос плел.

Где же смысл наших тайн,
Паутины бытия?
Как покинул нас Хозяин,
Род людей производя?

Человек в чердак припрятал
Все, чего не осознал.
Свой вопрос не допечатал —
Жизнь на схему променял.

И замыслив этот ужас,
Передав сквозь годы тьмы,
Мы рожаем поколение
Во вселенную тюрьмы.

Род — проклятье. Это снова
Передаст в сердца детей,
Не спросив их разрешенья,
Словно пламя Прометей.

РАСПАД

На небе живет медведица,
Большие ковши и малые.
В зрачках ночью ярко светятся,
Созвездия бело-алые.

И мчат к ним столпы творения,
Гиганты межзвездных вершин.
Но в них не найти нам спасения,
Внутри этих мертвых льдин.

Где Бог потерялся в дырах,
На черных забытых кругах.
В полярных забытых квартирах,
Где света не встретить в мирах.

Людские из стали секиры
Пред вечностью — лишь суррогат.
Для жизни они дезертиры,
Их смерти — немой звездопад.

Блуждают там люди по кругу,
Им Бог — позабытый кумир —
Оставил дворец и прислугу,
Себя растворив в этот мир!

КОСМИЧЕСКИЙ СТРАХ

Я в космических тайнах блуждал,
Все пытался во тьме изучить.
И на новых планетах искал,
Как мне жизнь этих звезд приручить.

Я искал сквозь сияние звезд,
Как мне страхи в тот мир принести.
Гравитацией строил им мост,
Чтобы новую жизнь там найти.

И меня разъедала мечта,
В жизни той загорятся огни.
Хоть и новая жизнь там чиста,
И мы в космосе том не одни.

Будут страхи ту жизнь пожирать,
Ужас смерти, бессонные дни.
Будет свет там опять умирать,
Осознав, что мы здесь не одни.

Лучше быть в одиночестве нам,
Этот холод межзвездный питать.
И в космическом ужасе там
Никого никогда не искать.

ВОЛЯ К СМЕРТИ

Подземное дыхание свободы,
Как жажда смерти, разрезает пополам.
Кончин своих чернеют эпизоды,
Что мы узнаем по искусственным цветам.

А снег в стакане одиноком на могиле,
Заполнит чашек почерневших пустоту.
Мы зло свое при жизни исходили,
Как исходили мы при свете темноту.

И корка хлеба засыхает на пригорке,
Вдавила мякиш этой хлебной черноты.
Страданий мир записан на подкорке,
Ведь красоту я полюбил для простоты.

Последний час моей бессмысленной ступени,
Глоток тепла омоет сухость на губах.
Я эту жизнь поставлю на колени
А смерть свою я размещу на небесах.

И не возьмут меня божественные крылья
Попутешествовать без виз и паспортов.
Увидит тьма в руках заточенные клинья
И кладбища потухших городов.

Застряла в головах лишь воля к смерти,
Несущая сквозь дали темных стран.
Прошу последний час вы там отмерьте
И отнесите на заброшенный курган.

МОНСЕГЮР

Кто взывает во льдах,
В моих жилах химера.
А в священных снегах
Стынет кровь Люцифера.

Двор старинного замка,
Бастион Монсегюр.
И во тьме висит рамка
Его светлых гравюр.

Озаряет зов крови
Прошлых темных святынь.
Союз блага и воли
В душах черных пустынь.

Там снега укрывают
Священный сосуд.
И от света скрывают
Тьмы своей изумруд.

Метафизика боли,
Льется тьма ноосфер.
Не приняв своей роли,
Свет несет Люцифер.